

**«СОЛДАТ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА» В МИЛИТАРНОМ
КВАЗИИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ**

На материале немецко-русских словарей для рядовых вермахта анализируется фрагмент квазиинформационного «дискурса завоевателя», оценивается лексический состав, связанный с манипулятивным представлением информации о противнике и подменой советских реалий.

Ключевые слова: двуязычные словари для солдат, военный дискурс, вермахт, милитарная имиджелогия, искажение информации и реалий.

S.I. Dubinin, Samara University

**«SOLDIER OF THE EASTERN FRONT» IN THE MILITARY
QUASI-INFORMATIONAL DISCOURSE**

On the example of the German-Russian dictionaries for the soldiers of the Wehrmacht the author analyzes parts of the quasi-informational “conqueror's discourse”, evaluates groups of vocabulary associated with the manipulative presentation of information about the enemy and the substitution of Soviet realities.

Keywords: bilingual dictionaries for soldiers, military discourse, the Wehrmacht, military imageology, distortion of information and realities.

Уникальный материал для изучения немецкоязычного военного дискурса времен ВОВ (институциональный статусно ориентированный тип) – это источники лексикографии, двуязычные словари-разговорники для вермахта. «Солдат вермахта», созданная военно-пропагандистской системой с учреждением «новой» армии (1935 г.) модельная личность как креатура базируется на прусской традиции и нацистской концепции «гаранта внешней безопасности государства» [1, с.12-19]. В теории войны вермахта главное для победы над врагом – морально-личностное, профессионально-корпоративное превосходство, во вторую очередь – материально-численное. Для «армейца нового образца» важно владение и представление информации (Auskunft) [2, с.168-170].

Военно-дискурсивные и коммуникативные практики, формируемые идеологией нацистской армии, трансформировали типы «армейцев»:

«равноправные, сильные стражи, защитники рейха», позиционировались как «оруженосцы нации», присягнувшие на верность фюреру, названные им «мои бойцы на Востоке». «Люди в зеленой форме», как нейтрально-почтительно именовались сухопутные силы, заботились о своем позитивном имидже, но «армеец рейха» как манипулятивная языковая личность воплощал в отношении своих противников лингвокультурные и информационные искажения [2, с.67].

Одной из их вербализаций были двуязычные немецко-русские словари-разговорники. Вермахт снабжался с конца 1930-х гг. при подготовке и в ходе войны с СССР разнотипными источниками, а самые значительные из них: 1) переиздания словарей для кайзеровской армии 1914-1918 гг.; адаптированные общие разговорники; 2) анонимный массовый солдатский словарь «Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch» (1941-1944); 3) типовой разговорник для вермахта «Wehrmacht-Sprachführer» (1942); 4) краткий разговорник «Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten» (1942?). Эти источники-репрезентанты дискурсивных практик «солдата восточного фронта», формировали модельную личность «армейца вермахта», лапидарные речевые русскоязычные практики и коммуникативные тактики воздействия. В военном дискурсе «армейцы» выступали как представители группы, исполняя предписываемые заданными ситуациями общения роли, воплощая оценки противника и реалий социума оккупированных территорий. «Словарики» не ориентировали на корректную речь по-русски военнослужащих вермахта, использовавших разговорник чаще в тыловых ситуациях, не формируя иноязычное высказывание в соответствии с объективной ситуацией, подбирая готовый речевой шаблон [3, с.171-173]. Этими стереотипами, искажениями, «дополнениями» пестрят указанные источники.

В начале войны против СССР использовался (переиздание 1938 г.) разговорник 1914 г., относительно адекватный новой ситуации первый русский словник для вермахта. Показательны спонтанные трансформации лексики оригинала: обобщенные личности: гражданское лицо *mein(e) Herr/Dame, Madame* замены на *Bürger/Bürgerin*, субъект обращения: *Pfarrer, Lehrer, Bürgermeister* на *Vorsitzendes des Vollzugsausschusses* «председатель исполкома». Вместо *Polizeiamt* – советская реалья *Miliz, Rathaus / Vollzugsausschuß*, хотя в небольших поселениях СССР эти местные органы госвласти представлены не были. Но не уместно сохранение для советской действительности контактера *Kaufmann* «лавочник», *Tornister* «ранец» (их РККА не имела в снаряжении) и ситуации посещения питейных заведений *Schenke* «трактир».

По плану «Барбаросса» командование вермахта оформило стратегические папки европейских регионов СССР (1941 г.), разместив прототипы кратких словарей. Противник обозначен *der Feind* «враг», есть переводные перечни советских реалий (*Verzeichnis der Dienststellen des Nachrichten wesens*), советизмы и их кальки (*Rayon-, Gebiets-, Stadt-, Parteikomitee; Gebiets-, Rayon-, Stadt-, Dorfsowjet; Parteibuch; Staatsgut*), разговорные слова *Weib/bába, Mann/mushík*, принятое в советском социуме обращение *towárischtsch/Kamerad*. Эта лексика представлена системно, имея фоновый характер. Но не адекватны лексические корреляции: *Burg/kreml, Ladhaus/dátscha, Zigaretten/papiróssy*. Как «языковые манипуляции» не соответствовали советским реалиям: *Polizei/polízija, Polizist/ shandárm, Dorfschulze/sséljskijstárosta*. Архаичен *Aëroplan/Flugzeug*. Лишено актуальности *Verwaltungskreis/okrug* (эта система упразднена в СССР в 1930 г.).

*Весомый в рассматриваемом плане источник «Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch» (изд. 1941-1944 гг.), малый алфавитный словарь тезаурусно-толкового типа для целевой группы военнослужащих низшего звена. Как военный словарь-разговорник, он в основном состоит из словника со скудной разговорной/справочной частью. Отметим Schutzpolizist (Schupo) «городовой», Gut «поместье», Gutsbesitzer «помещик», ассоциируемые с намеренно актуализируемыми досоветскими реалиями. Показателен не общеизвестный русизм (полонизм) Starost «староста», важный в политике самоуправления коллаборационистов. Очевидна «подмена семантики» Schutzpolizist/ Polizei/ Polizist/ «городовой; полиция (милиция); милиционер». При номинации партизан использовано общеизвестное *die Partisanen* и уничижительно-жаргонное в нацистской армии *der Heckenschütze* «стрелок из кустов», имевшее криминальный оттенок значения «убийца из-за угла». Но красноармеец назван нейтрально *Frontsoldat* «фронтовик», во 2-м издании – *Rotarmist*. Как синонимы даны *Gegner/Feind* «враг, противник». *Ostern, Pflingsten, Weihnachten, Kirche, Pfarrer, Kapelle, Kirchturm* – «маркеры приверженности» оккупантов возрождению христианских традиций. *Gutsbesitzer* «помещик» и *Schutzpolizist* «городовой» навязывают ассоциации с досоветским строем. Во 2-м издании *Starost* «староста» заменен на малоупотребительное *Ortsvorsteher* (важный для коллаборации термин). 3-е издание имеет реалию *Staatsgut/Sowchos* «совхоз».*

Интересен вспомогательный «Карманный переводчик для фронтовика» (1942 г.?), достаточно точно передавший реалии и советизмы: *Samowar, Dorfsowjet* «сельсовет», *Motor- und Traktoren-Station* «МТС», *Kolchos-Laden*

(Lager)/Kooperativ-Laden «колхозный/кооперативный магазин, склад» Не вполне корректны: Haus der Roten Armee/der GPU «дом Красной Армии/НКВД», Badstube «баня», Stadthaus «горком», имеющее в немецком языке значения «ванная» и «ратуша, дом городского совета». Особенности войны против СССР маркированы лексемами Partisanen, russische Truppen. И тут Ortsvorsteher обозначал сельского старосту, не существовавшего в советской системе.

Отметим «Разговорник для вермахта» (1942 г.), где впервые названы информационные каналы вермахта: Propagandatruppen (искаженное «пропагандные войска»), Wehrmachtbericht «сводка верховного командования». Уникален раздел «Länder, Nationen», где СССР и Россия обозначены как отдельные государства. Белорус назван лексемой австрийского узуса Weißruthene, идеологически маркированной в нацистской политике «разделения славян». Но и этот источник не был надежным инструментом преодоления «армейцем» культурных барьеров в общении с «контактерами» (пленные, местные жители). Русские, советские и военные реалии малочисленны, переданы в основном адекватно (лексические эквиваленты) и описательно: шашка/Säbel, водка/Branntwein, червонец/Zehnrubelschein, щи/Kohlsuppe, отчество/Vatersname, политрук/politischer Leiter, красноармеец/Soldat der Roten Armee. Не мотивировано сохранение обозначений как контактеров для солдата вермахта: Kaufmann «купец», Bürgermeister «бургомистр», Gastwirt «трактирщик, хозяин гостиницы», Gutsbesitzer «помещик», Fabrikant «фабрикант», как социальные роли не существовавших в СССР. Непонимание могла вызвать лексема Drogist «дрогист» (торговец аптекарскими, хозяйственными товарами). Как коллаборанты-контактеры «армейца» даны: Journalist «журналист», Schriftsteller «писатель», Lehrer(-in) «учитель(-ица)», Pfarrer «священник».

Картину «искажений» дополняют языковые карты и адаптированные для военнослужащих общие разговорники. Они отмечены попыткой отразить советские реалии: Miliz/milíziya; Genosse/towárischtsch; Komissar и сельское самоуправление на оккупированных территориях: Ältester/sstárossta. Являются анахронизмами: Fürst, knjas; Gouverneur; Adel; Zar; Herr, bárin. Культурные этно-реалии банальны: Basar; Rubel; Samowar; Schnaps, wódka. Вежливая форма доминирует, маркируя вместе с обращением Mütterchen/mátuschka позитивный имидж «армейца». Отметим Bürgermeister/starschina: институт волосных (сельских) старшин/старост введен на оккупированных территориях в 1941 году.

Искажение советских реалий и информации, ее некритичное восприятие, подмены и трансляция/навязывание как таковой в общении с потенциальными контактерами маркировали «армейцев рейха» как проводников нацистской концепции «освободительной войны» против СССР, тактик манипулируемой коллаборации и «справедливой реставрации» на оккупированных территориях.

Список литературы:

1. Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. М.: Яуза; Эксмо, 2006.
2. Дубинин С.И. Лаконичность речевого репертуара «оруженосца нации» // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Калуга: изд-во КГУ, 2015. С.168-173.
3. Норман Б.Ю. Жанр разговорника: между текстом и языком // Жанры речи. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002. С.171-186.